Orange & Green

В ловушку из слов,
вечером, когда был дождь
и оранжевые фонари, и голоса внизу;
заклинание, некий набор слов –
пускай только гласные и «М»,
не важно;
то, что осталось
<не было> -
проснуться ночью, когда есть только желание и
<опять ловушка>.
Сделать из голоса поток,
без словарей и <оранжевого и зеленого>;
не говорить правду(слово), а просто говорить.

Вечером февраля в холодном автобусе
и попытаться остановить оранжевую реку внутри своего глаза
и изморозь, и узоры (переливаются),
и было бы все равно, кто звонит мне
и где я был,
когда началась осень
и из оранжевого вечера вчера
и она говорит мне о зеленом городе
и когда она была молодая
и о птицах, которые сидят на спинке кровати и не хотят улетать,
пока кто-нибудь не умрет в твоем королевстве
и о черном короле и зазеркальном лабиринте,
и человечек заводит граммофон
и люди на площади танцуют и кружится, кружится,
но никогда не возвращается обратно.

Где-то в Шотландии ты видишь,
как птица садится тебе на руку и как вертится твоя голова;
<звон рассыпается>
ты встречаешь очередного всадника без лошади
между блюзом и ужином в половине первого

и когда звонит телефон и из трубки сыплются знаки препинания
и после того, как я ухожу, нужно проветривать,
чтобы расползлись черепахи и ты могла уснуть,
и все-таки в углу на кухне
спряталась одна блюзовая фраза в полдвенадцатого
и странники телефонной книги и кусочек вечера (иногдавечером...),
и Королева Оранжевого и Зеленого,
ты носишь в кармане
и одна из моих смертей и голова на двух ногах;
когда от тебя не останется Ничего, они найдут еще один скелет в чулане и
середина дня и

Ты ли из оранжевого вечера вчера
и рыбами и звенят трамваи
и май на ладони и блестит и кажется холодным и –
не улетай –
странники телефонной книги
и стеклянный прискорбыш –
одиннадцать - говорит радио и кипит чайник.

Вечер на площади
и заходит солнце
и я смотрю в окно <начинается пустыня> -
она растет из оранжевого вечера и я слышу,
как поворачивается ключ в замочной скважине
и рыбы глотают огни
и сумерки и туман и гудит колокол
и стемнело,
на потолке ползут огни (я закрываю глаза)
и в форточку вплывает огромная рыба, и слышно;

Октябрь, октябрь как конец сна,
странники и полные карманы времени;
пурпурные рыбы, серебряные –
утро
и из угла в угол,
и входит кошка
и небо лежит на ладони и кажется холодным,
и странствие на оранжевых черепахах через весь день,
но никогда не называя по имени;
за дверью прячется Убийца,
я вижу его тени
и становится холодно
и собирается дождь
и у меня на ладони
и странники телефонной книги и

Приезжает Цирк Стеклянного Человечка, говорит радио
и клоуны идут по площади и смеются - оранжевые клоуны, зеленые клоуны
и все троллейбусы идут на небо
говорит Черный человечек
и я сажусь в троллейбус и троллейбус ломается –
потому что утро и голос блестит и идет дождь –
желтое, синее, белое
и полные карманы гласных
и какая самая вкусная буква - спрашиваю я тебя
и ты говоришь- «М»
и уже полдень гудит колокол и сияние после дождя;
я ищу телефон Пурпурного Генерала
и он уже повесился
говорит мне оранжевая женщина
и время катится по улицам
и клоуны промокли
говорит Черный человечек
пусти их погреться (так и говорит)
и начинает крутить ручку граммофона раз-два-три

и у него полная голова улиток и
вниз по стене
и улитки расползаются по небу
и дождь прекращается.

Медным голосом из Оранжевого и Зеленого возвещает сумерки –
я слышу, как идет электричка и сверкают лампочки
и кто-то говорит на балконе этажом ниже
и ты вынимаешь мои глаза и снимаешь мою шляпу
и делаешь из моего рта пепельницу для случайных гостей
и у стен есть рты, которые говорят говорят говорят всю ночь
и оранжевые странники въезжают в город на жестяных автомобилях
и у них есть своя ночь под полями шляпы
и там же прячутся искрящиеся существа и бабочки
и в сумерках и игры голоса
и монгольский хан в центре города и на берегу
и я в нескольких сантиметрах к югу от твоего правого глаза
и ты вроде как луна
и у меня в саду полный колодец гласных
и из Оранжевого и Зеленого и время растягивается
и пауки плетут паутину
и Черный человечек прыгает до неба и звонит в колокол –
вечером возле ручья из гласных ели печаль и она была сладкой
и нет хрусталя в моем голосе
и ты закрываешь глаза
и у меня есть янтарные бусы и свой собственный;

Господин своего голоса и властитель пустых комнат и расстроенного пианино
но не тебя
и пытаешься найти дорогу в сумеречные земли,
но Оранжевое и Зеленое - это все, что ты видишь
и в сумерках хожу из угла в угол

и возвращаюсь вечером, когда звенят колокола
и Сон Черного Короля
и человек без глаза и человек безо рта
и когда у тебя полная голова мух и ты боишься открыть глаза;
и человек идет за апельсинами и попадает под машину –
перед самым Рождеством;

Ангелы, странники, клоуны - идут через двор,
входят под арку
и оказываются в
ПУСТЫНЕ.

Мои глаза лежат на столе
и я стою на холме и вращаюсь, вращаюсь,
все реки текут вниз, вниз, вниз,
мои глаза сделаны из изумрудов и слюды
и пыль и пепел, волшебные и расцвеченные оранжевым твоего позавчера
я начинаю говорить и пепел падает на пол
и начинается зима и гости уходят,
все гости уходят, оставляя запах пепла и шляпы на вешалке,
и дедушка подходит к телефону и говорит - слушаю
и я посылаю письмо на небо
и Убийца наконец-то подбирает ключ,
и в это время зажигаются оранжевые фонари
и *он* входит в комнату
и *он* ступает бесшумно;
он подходит к столу и берет мои глаза
и тащит меня за тряпичную ногу по полу;
бубенчики переливаются перламутром и падают в вечер,
на площадь, откуда ушли клоуны
и рассыпаются в переулках смехом и голосами
и хлопают двери и начинается
радиопередача об оранжевых странниках Сейчас

сквозь сумерки по асфальту тряпичным лицом
или на площади около фонтана
я слышу как падает вода
и ты находишь меня и оба глаза
и ты тоже на холме и вниз, вниз, вниз,
куда вечером летят вороны и
слушаю - говорит дедушка
и у него в кармане свистулька и он манит птиц
и птицы прилетают и говорят, говорят, говорят
и лежу на полу и чувствую оранжевый ветер сумерек в июле
и на груди у меня ворон Адам,
я закрываю глаза, и он тоже начинает говорить.

Кружится, кружится, но никогда не вернется назад,
в комнату, пахнущую мамиными духами
в кукольный дом где я лежу на полу,
без кондукторов и Пурпурного Генерала,
просто одиннадцать, говорит радио
и растворяется сахар
и небо пахнет печалью
и теплый чай и желтая лампа
и голос, свернувшийся на кровати клубком и тихо мурлычущий.

Заводные божьи коровки,
металлические крысы
и я слышал, как остановилось его сердце, когда выключили электричество,
мама, мама, говорит человек на заре
и ты знаешь, ты ведь всегда знаешь;
из Оранжевого и Зеленого - мои глаза
и кошка прыгает мне на колени и
раскрой его - говорят изумрудные голоса,
и ты садишься на поезд и едешь, едешь в полнейшей тишине
и в калейдоскопе кружится Оранжевое и Зеленое,

узоры, узоры и пейзаж подчиняется движениям твоей руки –
ты ведь была здесь не один раз.

Королева с апельсиновым ртом и/или мои влажные сны в середине мая;
начинается вечер,
и кто принесет мне сон,
ведь *иногдавечером*...
И ты меняешься вместе с пейзажем,
демоны твоего сна и пурпурный конь
и/или в другой вечер/после дождя/в оранжевый четверг
я нахожу свой глаз у тебя в кармане,
между поцелуем и носовым платком,
Черный Король/Черная Королева
и рассказчик историй в медный полдень
в сентябре на Петроградскую сторону сумерек,
и ящерицы прячутся в щели,
и я знаю, что происходит/всегда знаю, что происходит
и ты приносишь забытую шляпу и роняешь пепельницу
и она разбивается
и ящерицы уносят осколки в еще один вечер
и телефонная женщина и почтовая женщина берутся за руки и выходят,
я закрываю за ними дверь ключом Убийцы,
который решил-таки навсегда покончить с моим колокольчиком,
и наступает утро,
и ты путешествуешь из безрадостного края в безрадостный на троллейбусе,
и к тебе подходит оранжевая женщина
и у тебя в руке банка хохота
и ты согласна отдать ей все, лишь бы не превратиться в ящерицу;
из настоящего в настоящее с мертвыми часами на руке,
и лучники и контрабасисты приходят навестить тебя,
а у тебя нет пепельницы
и ящерицы уносят стрелы и контрабас
и я прячусь в углу и смеюсь –
ведь у меня есть целая банка хохота
и ты пришиваешь на место мой глаз;

из Оранжевого в Зеленое за каких-нибудь полчаса
и ты падаешь - вниз, вниз, вниз –
на холодную, холодную землю из под купола цирка на площади
и клоуны прощаются и уходят,
один из них, в фиолетовом пиджаке с бубенчиками, забывает свою шляпу
и, не доходя даже до середины площади,
растворяется в оранжевом вечере (и наступает вечер)
и колокола бьют восемь,
и рыбы заглатывают фонари
и дождь прекращается
и ты превращаешься в Оранжевую Странницу Никогда
и ящерицы бегают по твоей комнате, где только расстроенное пианино
и кусочек грозы
и странствие начинается - говорит радио из угла
и ты открываешь окно и слышишь,
как капает с крыши хлопают двери
и сумерки сплетены из слов и прикосновений
и у тебя всегда найдется что-нибудь новенькое,
ты ведь теперь Королева Ящериц?
И найдется ли кто-нибудь в твоем королевстве,
кто сможет превратить вечер?
Когда-нибудь утром ты найдешь кого-то мертвым в своих владениях.
Не удивляйся, если это буду я.
Ночь - это чудовище,
которое отгрызает кусочки снов и делает их твоим завтра
и через четыре
и призраки и голоса и скелет в чулане.

Оранжевые черепахи падают в Ла-Манш и никогда не возвращаются
Садовой улицей после полуночи в Новый Год
и из подъездов высыпаются гласные
и ты поднимаешь их с асфальта и пытаешься отогреть
(твои губы и голос)
и ты держишь на ладони пурпурное «М»
и никогда не останавливайся, ОК?,

и через четыре, отвечая на телефонные звонки и пряча мертвеца под роялем,
пытаешься не выронить рассыпающиеся на гласные и «М» слова и
голос сворачивается клубком и мурлычет,
и заводные игрушки в пустой комнате;
я, внутри своего глаза и ты, Оранжевая Странница Нигде.

Апельсиновые деревья; вечер на площади,
когда нет Оранжевого и Зеленого и так легко говорить;
ветер желания, ангелы для тебя и голос в центре пульсирующего Ничто;
не останавливаться и смотреть, как разлетаются блестки
и ветер
и из открытой форточки пахнет апельсинами;
ты ждешь возле зеленой реки, на дне - странники, и они смотрят на тебя,
и гул, и отражения;
еще четыре; везде четыре.

И ты падаешь в море Оранжевого;
называешь ледяной поток, спускающийся с гор
и/или вынуждена выдумывать новую игру - как сон о захлопнутой двери
или погружение в море <оранжевого>
и блуждающий по узорам
<мне кажется>
так можно создать движущуюся картинку
<ОК> трамваи везут тебя в центр;
и ты знаешь, что будет через пятнадцать минут <рекламный человечек об этом позаботился;
тебе остается только смотреть и наслаждаться игрой
(чувствуешь, как тает на языке), но не вернуться;
ночью ветер желания и оранжевые фонари <не здесь>
и действие (любое) становится обрядом
(не говори об этом пурпурному человечку.
Он сам догадается и о рыбах, и об облаках.)>

Кружится, кружится по спирали и/или рыбы внутри твоего глаза и не найти пусть будет имя. <Рекламный человечек пишет его на фиолетовом.>

Да-да-да, говорит Нил
и зажигает очередную зеленую сигару и поднимает бровь
(у него ведь стеклянный глаз),
и он становится похожим на *его* отца
(и Зигмунд берет у *него* спички и тоже раскуривает сигару).
В конце концов вся комната наполняется дымом,
и они выходят на балкон, где сижу я,
и мы слышим, как идет электричка,
и кто-то говорит, что в один из этих дней
он изрежет тебя на маленькие кусочки,
да-да-да, говорит Брюс и достает свою пачку
(он, оказывается, стоял на балконе этажом ниже и все слышал,
ведь его уши и глаза у тебя в кармане
и твои пальцы падают очень медленно,
и ты все-таки засыпаешь,
и серебряные ящерицы несут тебя в следующее
утро).